ВЫЖИВШИЕ

Varpunen

ВЫЖИВШИЕ

«Автор»
2026

Varpunen

ВЫЖИВШИЕ / Varpunen — «Автор», 2026

Март 1944 года. На заснеженном Севере терпит крушение самолёт с двенадцатью людьми на борту. Шестеро выживают. Они разводят огонь, делят последние продукты и ждут спасателей. Но дни проходят, а помощи всё нет.Остаётся идти через тайгу по старой карте, где ближайший населённый пункт кажется недостижимым. На этой дороге меняются привычные роли: сильные теряют уверенность, тихие оказываются стойкими, а каждый шаг заставляет решать, сколько ты готов сделать ради другого человека.«Выжившие» — психологический роман о страхе, доверии и цене выбора. Иногда самое трудное начинается уже после спасения.КОРОТКОЕ ОПИСАНИЕ ДЛЯ АНОНСАОдин рейс, двенадцать человек, заснеженная тайга. После катастрофы шестеро ждут спасения, но им предстоит выйти в путь — и узнать, кто они на самом деле.

© Varpunen, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. На вылет 5
Глава вторая. Белая мгла 16
Глава третья. Первые сутки 26
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Varpunen
ВЫЖИВШИЕ

Глава первая. На вылет

В начале марта сорок четвёртого Илья Костин проснулся раньше будильника. За окном ещё стояла темнота, и в ней медленно двигался снег: не падал, а словно перебирался с одного края улицы на другой. Он полежал, прислушиваясь к тому, как за стеной кашляет хозяйка квартиры, и решил, что рейс наверняка отменят. От этого предположения стало легче. Можно будет вернуться с аэродрома, выпить горячего чаю, сходить к матери и прожить ещё один день, не садясь в самолёт.

Но в восемь утра небо над Архангельском посветлело. Ветер стих. У ворот аэродрома солдат в обмотках проверил командировочное удостоверение, долго сравнивал фотографию с лицом Ильи, потом молча пропустил его внутрь. Илья прошёл мимо штабеля деревянных ящиков, занесённых снегом бочек и грузовика, под которым двое механиков на морозе что-то откручивали. За низким зданием ангара стоял самолёт. Двухмоторный, с широкими крыльями, он казался Илье слишком тяжёлым для того, чтобы подняться в воздух. Возле крыла двое в лётных куртках рассматривали лист, прижатый к планшету. Один провёл пальцем по строчкам, посмотрел на небо и только потом кивнул другому. Илья решил, что речь идёт о грузе: о погоде говорить было незачем, раз ветер утих.

На дверях небольшого помещения, где собирали пассажиров, висел листок: «Специальный рейс на Усть-Кряж. Явка к девяти». Кто-то исправил девятку на восьмёрку, а затем перечеркнул исправление. Илья посмотрел на часы. До девяти оставалось двадцать минут. Он всё равно был последним из тех, кто сидел внутри. Обычного сообщения с Усть-Кряжем не было: во время войны разные ведомства добились одного общего борта для людей, которых ждали на прииске, лесных участках, в медпункте и военной части. Сам посёлок служил северным узлом — оттуда до многих мест ещё предстояло добираться по зимним дорогам.

Возле железной печки устроилась полная пожилая женщина с аккуратно завязанным платком. Она держала на коленях жестяную коробку, обёрнутую полотенцем; из сумки у её ног выглядывала ручка небольшой кастрюли. Женщина разговаривала с человеком в коротком полушубке. Человек отвечал нехотя: ему приходилось придерживать ногой тяжёлый полотняный мешок, который всё время норовил завалиться набок. У окна молодой солдат, совсем мальчишка, водил пальцем по запотевшему стеклу, выводя буквы. Двое мужчин молчали. Один читал газету, второй изучал собственные перчатки, как будто только теперь заметил, насколько они износились.

Илья снял шапку и сразу почувствовал, как пот выступает на висках. Печь топили так, что в маленькой комнате трудно было дышать. Он выбрал место у двери и поставил чемодан между ног. Чемодан был чужой, взятый у соседа на несколько дней. На внутренней стороне крышки карандашом значились инициалы «П. А.», и Илья каждый раз опасался, что кто-нибудь попросит объяснить, почему он путешествует с чужими вещами.

— Товарищ, дверь прикройте, — сказала женщина у печки. — Дорогу до Севера нашли, а за собой закрыть не умеем.

Он поспешно захлопнул дверь. Женщина кивнула, точно оценила его пригодность к делу, и вернулась к разговору.

— Я им говорю: кормить людей надо умеючи. Поставь двенадцать каш на плиту — и все двенадцать будут разные. А они мне: план один. Будто план в кастрюле варится.

Человек в полушубке издал звук, который можно было принять за согласие. Он заметил взгляд Ильи на мешок и придвинул мешок к себе.

— Инструмент, — сказал он. — Не золото.

— Я и не спрашивал.

— А я на будущее. Уже третий проверяет.

Женщина рассмеялась.

Так Илья познакомился с Петром Даниловичем Кравцовым, плотником из леспромхоза, и Марфой Тихоновной Ерохиной, которую отправляли заведовать столовой при северном прииске. Их фамилии он узнал позднее, по списку. Пока он запомнил только, что плотник разговаривал словно через закрытую дверь, а Марфа Тихоновна могла расположиться в любой комнате так, будто прожила в ней полжизни.

У противоположной стены сидела женщина лет тридцати пяти в сером платке. Рядом с ней стоял потёртый медицинский саквояж. Она не участвовала в разговоре, но, когда молодой солдат громко чихнул, подняла голову.

— Давно простужен?

— Никак нет.

— «Никак нет» — это с какого времени?

— Со вчерашнего, — признался тот.

Она приложила тыльную сторону ладони к его лбу, расспросила о горле и кашле. Солдат отвечал коротко, краснея от внимания.

— Сейчас жара, похоже, нет. Если станет хуже, скажешь мне. Таблетки попусту расходовать не будем. А сейчас шапку надень. Ухо у тебя красное.

Солдат послушно поправил шапку. Илья отметил, что женщина не спросила, хочет ли тот её совета. Она говорила спокойно, почти устало, как человек, который много раз объяснял одно и то же и давно перестал ждать благодарности.

Дверь открылась снова. В комнату вошла молодая женщина с маленьким коричневым чемоданом. С шапки у неё на пол падали круглые капли растаявшего снега. Она остановилась на пороге и посмотрела на людей с таким выражением, будто ошиблась дверью.

— На Усть-Кряж здесь? — спросила она.

— Здесь, доченька, — ответила Марфа Тихоновна. — Только пока все ещё на земле, сама видишь.

Девушка улыбнулась и направилась к свободной лавке. Чемодан неожиданно оказался тяжёлым: она не смогла поднять его через вытянутые ноги читающего газету мужчины и неловко дёрнула за ручку. Замок щёлкнул. Крышка приоткрылась, и на пол выскользнул свернутый шерстяной шарф.

— Простите, — сказала девушка.

Мужчина с газетой поднял ноги, но сам не шевельнулся. Женщина с медицинским саквояжем встала, помогла собрать вещи, проверила у чемодана застёжку.

— Его лучше верёвкой перетянуть. Пружина уже не держит.

— У меня нет верёвки.

— Сейчас найдём.

Плотник Кравцов достал из кармана короткий моток тонкого шнура и протянул обеим.

— Вернёте на том свете, — сказал он и снова занялся своим мешком.

Девушка покраснела, не решаясь понять, была ли это шутка. Женщина с саквояжем ловко стянула чемодан крест-накрест и показала, как нужно развязать узел одним движением. Илья заметил, что она сделала это не торопясь, хотя остальные уже начинали поглядывать на часы.

— Я Анна Рябова, — сказала девушка.

— Вера Лукина. Фельдшер.

— А я на телеграф. Курсы связи окончила, теперь меня туда назначили. Первый раз так далеко еду.

— Это видно, — без злости заметила Марфа Тихоновна. — Кто первый раз, у того чемодан всегда больше дороги.

Илья невольно посмотрел на свой чемодан. В нём лежали две смены белья, старая бритва, тетрадь в клетку, два свёртка сухарей и документы, которые следовало привезти в управление Усть-Кряжа. Больше взять было нечего. Он оставлял в Архангельске съёмную комнату, неоплаченный долг соседу за сапоги и мать, которой не сказал всей правды о своей командировке.

На бумаге причиной поездки значилась «сверка складских ведомостей». Это было верно, хотя и не полностью. Месяц назад в снабженческой конторе обнаружили расхождение в отчётности. Илья подписал несколько сводок, которые составил его начальник, даже не проверив цифр. Он повторял себе, что не взял ни одного рубля. Однако подписи стояли его, и комиссии было всё равно, почему он их поставил. Отправку на север оформили как обычное служебное поручение. Илья подозревал, что начальник хотел, чтобы на время проверки он исчез из города.

Дома мать спросила, надолго ли он уезжает. «На месяц», — ответил Илья. Она погладила воротник его шинели и велела не простужаться. Он мог бы сказать, что не знает, когда вернётся, но промолчал. Ещё хуже было то, что мать поняла его молчание и не стала расспрашивать.

— Костин! — раздалось от двери.

Илья вскочил. На пороге стоял невысокий дежурный по посадке в лётной куртке, с планшетом под мышкой.

— Костин, Илья Сергеевич?

— Я.

— Документы приготовьте. Через десять минут проверка. Багаж не больше положенного. Кто лишнее взял, пусть сейчас решает, что оставлять.

— А что положено? — спросила Марфа Тихоновна.

— Сколько в наряде написано.

— Там ничего про мою кастрюлю не написано.

Человек в куртке посмотрел на её жестяную коробку и устало протёр лоб.

— Кастрюлю, гражданка, будем считать личной вещью. Если она не размером с печку.

Когда он вышел, в комнате послышался смех. Даже мужчина с газетой улыбнулся, не отрываясь от страницы.

Через несколько минут появился ещё один пассажир. Он вошёл уверенно, не торопясь стряхнул снег с воротника шинели и оглядел комнату. На погонах у него блестели майорские звёзды. Илья заметил, как молодой солдат у окна сразу вытянулся.

— Сидите, — сказал майор. — Мы пока не на построении.

Солдат сел так быстро, что стукнулся затылком о стену.

Майор поставил небольшой саквояж возле лавки, осмотрел двери, окна, печь. Подошёл к стоявшему у порога ведру с углём и отодвинул его ногой от прохода. Марфа Тихоновна тут же вернула ведро ближе к печке.

— Здесь можно шею свернуть, — заметил он никому особенно.

— А там я его ногой опрокину, когда уголь подкидывать стану, — ответила она.

Белов посмотрел на ведро, затем на Марфу Тихоновну и отступил.

— Пожалуй, вам виднее. Только дверь не загородите.

Потом снял перчатки. Левая рука у него двигалась чуть медленнее правой. Большой палец несколько раз не сразу послушался, когда он расстёгивал ремешок саквояжа.

— Белов Алексей Михайлович, — представился майор, обращаясь ко всем сразу. — Надеюсь, не задержимся.

— Это вы у начальства спрашивайте, — откликнулся Кравцов.

— Начальство тоже любит летать по расписанию.

— Оно любит, чтоб по расписанию летали другие.

Белов засмеялся и протянул плотнику руку. Кравцов после короткого колебания пожал её. Илья подумал, что майор ловко справился с грубостью, даже не пытаясь поставить человека на место.

Майору было сорок три года. На правой щеке у него виднелся тонкий светлый рубец. Из-за старого ранения он не вернулся в строевую часть, а теперь ездил с проверками по северным гарнизонам и складам. Когда Кравцов что-то спрашивал, Белов отвечал по существу, даже если вопрос звучал насмешливо. Илья незаметно пересел ближе: рядом с таким человеком было легче думать о предстоящем полёте.

Последним в комнату вошёл высокий мужчина в меховой шапке с примятым верхом. У него было серое лицо, кустистые брови и потёртая карта в кожаном футляре через плечо. Он остановился возле печки, открыл заслонку, заглянул внутрь и закрыл обратно.

— Тяга плохая, — сказал он.

— С утра топим, никто не задохнулся, — ответила Марфа Тихоновна.

— Пока не задохнулись, — поправил мужчина.

Он назвался Григорием Савельевичем Шелестом, геологом. В Усть-Кряже его ждали для обследования старого участка, где зимой собирались продолжить разведку. В разговоре проскальзывали названия далёких рек и перевалов, но Шелест произносил их с той же интонацией, с какой другие называют соседние улицы.

Мужчина с газетой наконец сложил её и поднялся. Он был худощав, аккуратно выбрит, носил круглые очки и старомодный шарф, завязанный поверх пальто. Илья раньше не замечал, как внимательно тот прислушивается к чужим словам.

— Вы, вероятно, и на карте всё это знаете? — спросил он геолога.

— Что именно?

— Север. Реки, деревни, дороги.

— Север большой.

— Ну хотя бы окрестности Усть-Кряжа.

— Летом ходил. Зимой — нет.

— Разве зимой они меняются?

Шелест посмотрел на него с раздражённым удивлением.

— Река под снегом — это не летняя река. Болото зимой иногда держит, иногда нет. Избушка на карте может десять лет стоять пустой. А дорогу может занести так, что пройдёте рядом и не увидите.

Мужчина с газетой снял очки, протёр стекло и добродушно кивнул.

— Прекрасно сказано. Николай Павлович Ланской. Преподаватель литературы. Я как раз собираюсь учить взрослых в вечерней школе.

— Тогда вам будет о чём им рассказывать, — сказал Шелест.

— Вы из этих мест? — спросил Илья у Ланского.

— Я? Нет, милый мой. Москва, потом Вологда. А теперь буду вести занятия в училище: техников и мастеров там готовят. Литературу, русский язык. По вечерам взрослые приходят — многие после смены. Вот это мне особенно интересно.

— Семья с вами едет?

Ланской раскрыл газету, будто вспомнил о недочитанной строке.

— Жена пока в Вологде. Весной посмотрим. Знаете, человека не так трудно перевезти, как его привычки.

Илье захотелось спросить, что жена думает об этой поездке, но Ланской уже аккуратно расправлял замятый угол страницы.

При проверке выяснилось, что пассажиров десять. Дежурный по посадке читал фамилии, не поднимая головы, и каждый отвечал «здесь». Белов, Костин, Лукина, Шелест, Ланской, Рябова. Потом Кравцов, Ерохина, Киреев и Орлов.

Семён Киреев оказался тем самым молодым солдатом, который чихал у окна. Ему было двадцать. Он ехал к новой части, где требовались связисты, и старательно делал вид, что всё происходящее для него привычно. Но от волнения он то и дело поправлял ремень, хотя тот и без того сидел ровно. На вопрос, летал ли раньше, Семён ответил: «Приходилось», — и тут же уточнил: «Один раз. Правда, недолго».

Павел Орлов, тридцати двух лет, сопровождал мешок служебной почты. В комнате он почти не разговаривал, зато дважды просил заново записать номер мешка в ведомость. Он носил короткие усы и старую городскую шапку с надломленным козырьком. Из кармана у него торчал карандаш, обточенный с обоих концов. Когда дежурный переписал номер мешка на отдельный лист, Илья случайно заметил, что в двух последних цифрах тот поменял порядок.

— Простите, в ведомости сорок семь, а у вас семьдесят четыре, — негромко сказал Илья.

Орлов вскинул голову. Дежурный сверил бумаги, зачеркнул цифры и, нахмурившись, исправил. Илья почувствовал привычное желание извиниться — хотя ошибки не делал. Орлов вдруг подвинул к нему свой карандаш.

— Возьмите. Я вам должен. У меня запасной есть.

Илья хотел отказаться, но Орлов уже отвернулся к мешку. Когда у проверяющего не оказалось чем расписаться, Павел немедленно предложил и второй карандаш.

— Достаточно одного, — сказал дежурный, обнаружив два острых конца.

— Зато когда сломается, переворачивать удобно, — серьёзно ответил Орлов.

Список был закрыт. Дежурный пересчитал головы ещё раз и велел всем ждать посадки. Два пилота, командир экипажа Сергей Андреевич Громов и его помощник Пётр Климов, уже находились у машины. О них пассажиры знали лишь то, что Громов летал на Севере не первый год, а Климов был моложе почти всех в салоне. Илья увидел их из окна: один стоял возле крыла, второй спорил с техником у открытого лючка. Оба на морозе двигались неторопливо, как люди, которым незачем доказывать, что они заняты важной работой.

— Может, ещё чаю успеем? — спросила Анна.

— Успеем, если воду найдём, — ответила Вера.

Марфа Тихоновна приподняла свою жестяную коробку, завёрнутую в полотенце.

— Чаю пока не раздобыли. Зато вот пирожки есть. С картошкой. Не пропадать же добру.

Она раскрыла крышку, и по комнате пошёл слабый запах печёного теста и лука. Пирожки были небольшие, уже остывшие, но Илье показалось, что он не чувствовал ничего приятнее за всё утро. Марфа Тихоновна предложила сначала солдату, потом женщинам, затем остальным. Кравцов отказался. Белов взял один, поблагодарил. Ланской предложил заплатить.

— Много у вас денег, что ли? — спросила Марфа Тихоновна.

— Немного, — признался тот.

— Тогда оставьте себе. Я с голоду ещё не помирала.

Илья тоже взял пирожок, хотя собирался отказаться. Ему всегда было трудно понять, когда предложение делают просто из вежливости, а когда действительно хотят поделиться. Он откусил слишком большой кусок, поперхнулся картошкой и отвернулся, чтобы никто не заметил.

Кравцов тем временем развязал свой мешок, достал свёрнутый кусок материи и, не глядя ни на кого, придвинул его к Семёну.

— Под шею подложишь, если спать будешь. На самолёте трясёт.

— Мне не надо, спасибо.

— Надо — не надо, потом разберёшься. Это не подарок.

Семён взял ткань. Илья заметил, что плотник за всё утро сделал уже несколько полезных вещей и ни разу не позволил поблагодарить себя как следует.

Ланской открыл рот, чтобы поблагодарить Кравцова за Семёна, но передумал и только поправил на лавке свой шарф. Анна тем временем расправила край ткани, чтобы солдат смог убрать её в вещевой мешок. Кравцов отвернулся к окну, будто ничего не заметил. Илья тоже отвернулся: ему было неловко, что он лишь смотрел, пока остальные помогали друг другу.

Немного позже девяти все десять пассажиров вышли на лётное поле. Снег под ногами был плотно укатан колёсами и сапогами, но местами ветер наметал поверх него тонкие языки пороши. Оба винта их самолёта стояли неподвижно. С дальнего конца аэродрома доносился ровный низкий гул чужого двигателя. От машины пахло бензином, металлом и холодным маслом.

Илья остановился в нескольких шагах от крыла. Внутри всё неприятно сжалось. На фотографии в газете самолёты выглядели небольшими и почти изящными. Этот же стоял перед ним тяжёлой вещью, собранной из множества частей, о назначении которых он не имел понятия. Ему вдруг захотелось узнать, как часто подобные машины падают. Но спрашивать было не у кого, да и вопрос показался постыдным.

— Первый раз? — спросил Белов за его спиной.

— Нет, — ответил Илья.

Майор посмотрел на него, потом на самолёт.

— Значит, знаете: страшнее всего стоять и смотреть. Внутри привыкнете.

— Я не боюсь.

— Я и не говорил, что боитесь.

Белов усмехнулся и пошёл дальше. Илья остался с неприятным ощущением, что его только что поймали на обмане, но не стали разоблачать из жалости.

У трапа произошла задержка. Орлов не хотел выпускать из рук почтовый мешок: по правилам он должен был сопровождать его лично. Грузчик пытался объяснить, что мешок положат в отделение вместе с остальным багажом. Орлов повторял одно и то же, с каждым разом всё более настойчиво. На их спор обернулись почти все.

— Товарищи, — сказал Белов, — что случилось?

Грузчик отрапортовал, как перед начальником. Майор выслушал, посмотрел на мешок.

— Он не тяжёлый. Пусть поставит возле себя, если крепление позволяет. И дело с концом.

— Нельзя, — сказал грузчик. — У нас порядок.

Белов помолчал.

— Тогда позовите того, кто может этот порядок изменить. Только быстро. Люди стоят на морозе.

Через три минуты мешок устроили в отведённом для груза месте, а Орлов получил возможность сам проверить узел и пломбу. Все остались довольны, кроме грузчика. Илья заметил, как Белов наклонился к Орлову и негромко добавил:

— Если будете спорить по каждому пустяку, вас не станут слушать, когда дело будет серьёзное.

Орлов опустил глаза. Ничего обидного майор не сказал, но сказал так, что возражать уже не хотелось.

На борту значилось: ПС-35. Илья не знал, что это была за машина и почему её направили на столь необычный рейс. Внутри оказалось теснее, чем представлялось с земли. В салоне стояли десять отдельных кресел с потёртой обивкой и откидными спинками, по пять с каждой стороны узкого прохода. Прежде здесь, должно быть, возили совсем других пассажиров: возле подлокотника сохранилась латунная пепельница, но её давно забили металлической заглушкой. За перегородкой впереди находилась кабина пилотов. Оконные стёкла были мутноваты

от холода. В обшивке слышались удары и скрипы, не похожие на звуки обычного помещения. Илья сел, затянул ремень и тут же ослабил его: стало трудно дышать.

По другую сторону прохода устроился Белов. В кресло за ним сел Ланской, осторожно положивший газету на колени. Кравцов нашёл место поближе к багажному отделению, будто не мог спокойно находиться от своих инструментов дальше, чем на два шага. Семён сел у окна и с такой серьёзностью разглядывал крыло, словно должен был затем составить о нём донесение. Марфа Тихоновна оказалась в соседнем ряду с Верой; Анна, придержав новый узел на чемодане, опустилась неподалёку. Шелест занял заднее кресло и сразу закрыл глаза. Орлов ещё раз убедился, что почтовый мешок на месте.

Илья пересчитал пассажиров. Десять. Это почему-то немного успокоило его. Десять человек могли устроиться в небольшом вагоне, в комнате, на работе, где угодно. Он видел каждого из них, слышал голоса, знал имена. С такими людьми, казалось ему, ничего по-настоящему страшного произойти не могло. По крайней мере, не сразу.

Перед взлётом в салон заглянул молодой второй пилот. Светлые брови у него покрылись инеем.

— Ремни проверьте. Во время взлёта не вставать. Если что понадобится, подождите, пока наберём высоту.

— А что может понадобиться? — спросила Марфа Тихоновна.

— Надеюсь, ничего.

— Вот это хороший ответ, — сказала она.

Климов улыбнулся, но перед тем как закрыть дверь, ещё раз оглядел крепления. Илья поймал себя на том, что следит за движениями пилота с чрезмерным вниманием. Ему хотелось увидеть в них признак уверенности. Пётр Климов был молод, но не суетился. Это тоже помогало.

Сначала заработал один двигатель. Воздух в салоне задрожал, металлическая накладка у окна мелко застучала о раму. Когда запустили второй, стало почти невозможно разговаривать. Илья уже думал, что привык к шуму, как самолёт неожиданно дёрнулся и медленно двинулся к полосе. На мгновение он остановился. Затем моторы взревели громче, колёса дробно застучали по неровностям, и вдруг пол перестал передавать удары земли. Илья прижал ладонь к подлокотнику. За мутным окном накренился край аэродрома, ушла вниз тёмная полоса леса, скользнула в сторону замёрзшая река.

Илья ждал какого-нибудь особенного ощущения полёта. Вместо него пришла тошнота. Он закрыл глаза, но стало хуже, и тогда принялся рассматривать заклёпки на обшивке. Их было ровно столько, сколько нужно, чтобы занять мысли: первая, вторая, третья. На двадцать седьмой он сбился.

— Слабый вестибулярный аппарат? — поинтересовался Ланской, наклонившись вперёд.

— Нет, всё хорошо.

— Не нужно стесняться. Знаете, человеку свойственно бояться высоты. Даже самым храбрым.

Илья почувствовал, что краснеет.

— Я не боюсь высоты.

— Разумеется. Я вообще говорю.

Ланской поправил очки, вполне довольный беседой. Белов неожиданно протянул Илье сложенный носовой платок.

— Если мутит, приложите к лицу. И дышите медленнее. Не помогать себе героизмом — тоже умение.

Илья взял платок. Он не знал, почему ему было легче принять помощь от майора, чем сочувствие преподавателя.

Через час, когда самолёт вышел на более ровный участок, люди оживились. Марфа Тихоновна достала из кармана шерстяной носок и принялась довязывать пятку. Семён оторвался от окна и спросил Анну, правда ли телеграфист может принять сообщение, совсем не глядя на бумагу.

— Ещё как, — сказала Анна. — Но если передающий торопится или линия трещит, сразу ошибаешься. Нас на курсах заставляли слушать с закрытыми глазами.

— А если ошиблись?

— Переспрашиваешь. Стыдно не ошибиться, а отправить чужую ошибку дальше.

Семён помолчал, обдумывая ответ. Вера тем временем спросила, как его горло, и велела не напрягать голос над шумом двигателей. Тогда Орлов, которому, видно, наскучило молчание, рассказал, что в их конторе однажды перепутали мешки и письма, предназначенные соседнему району, уехали за четыреста вёрст.

— Потом нашли? — спросила Анна.

— Нашли. Через три недели.

— И что же?

— Ничего. Люди получили свои письма. Только один старик, говорят, каждый день приходил и спрашивал, жив ли сын. А у нас письмо лежало в чужой кладовой.

Орлов помолчал, подбирая слова.

— С тех пор я пломбы проверяю сам. Пусть смеются.

Никто не засмеялся. Даже Белов не стал говорить, что всё нужно делать по инструкции. На минуту между людьми установилось молчание, которое было не неловким, а уважительным.

Илья достал тетрадь, чтобы записать названия документов, ожидавших его на месте. Он открыл страницу и не смог вспомнить, с чего собирался начать. Цифры, которые целый месяц не давали ему покоя, теперь казались нелепыми. Несколько неверных строк в таблице отправили его за сотни километров от дома, в железную машину над белой землёй. Ему даже сделалось смешно. Он быстро закрыл тетрадь, чтобы никто не увидел улыбки.

— Пишете что-то? — спросила Анна, заметив карандаш.

— По работе.

— А я всё хотела записывать дорогу. Купила маленький блокнот, а теперь не знаю, что туда писать. Из окна один снег.

— Он же разный, — сказала Вера.

Анна посмотрела на неё.

— Где-то серый, где-то синий. Когда над лесом солнце, будто сахарная корка. А над рекой — совсем плоский.

— Вы художница?

— Нет. Просто давно в дороге.

У Веры на коленях лежал медицинский саквояж. Она приоткрыла его, чтобы проверить, целы ли стеклянные флаконы после взлёта. Анна заметила на внутренней стороне крышки маленькую фотографию: девочка с двумя тугими косичками стояла у забора, щурясь на солнце.

— Ваша? — спросила Анна.

— Дочь. Семь лет. С сестрой осталась.

— А вы надолго в Усть-Кряж?

— Медпункт принимать. Если там без меня справятся — значит, зря ехала.

Анна не сразу решилась спросить, почему ребёнок не с матерью. Вера ответила ровно:

— Там школа, люди свои. Здесь пока неизвестно что. Я сначала посмотрю.

— Трудно уезжать от маленькой?

Вера немного подумала.

— Труднее, когда она делает вид, что не плачет. Поворачивается к стене, чтобы я не видела.

Анна опустила взгляд на свои руки. В рукавицах у неё всё ещё торчали незаметные с виду нитки — отец сшил их из старой шинели и перед самой отправкой на вокзале проверял, не продувает ли швы. Два года он уговаривал её выучиться на связистку, а теперь, когда всё получилось, казался растерянным. Поцеловал в лоб и сказал: «Не бойся никого». Анна так и не поняла, кого он имел в виду.

— У меня отец тоже остался, — сказала она Вере. — Только он не маленький. Он даже рад, что я уехала.

— А ты?

— Я пока не разобралась.

Вера слегка улыбнулась. Она не стала утешать Анну, будто знала, что та просила не утешения.

У другого борта Белов разговаривал с Семёном. Молодой солдат, осмелев, признался, что до войны работал учеником слесаря, а теперь его направляют в радиочасть. Он объяснял, как устроен передатчик, сбивался, начинал заново и каждый раз поглядывал на погоны майора.

— Научат, — сказал майор. — Главное, не путайте усердие с умением. Если чего не знаете, спрашивайте. Молчаливый дурак опаснее говорливого.

Семён рассмеялся слишком громко и покраснел. Белов похлопал его по плечу. Но когда солдат начал рассказывать, как однажды неверно собрал передатчик, майор сразу перебил:

— Так, подождите. Прежде чем включать, что проверили? Контакты? Питание?

Семён открыл рот, собираясь ответить, и закрыл. Он уже не рассказывал историю, а держал экзамен. Белов этого, похоже, не заметил: придвинулся ближе, чтобы солдат слышал его сквозь шум моторов.

Григорий Шелест почти весь разговор проспал. Проснувшись, он попросил у Кравцова нож, аккуратно подрезал отслоившийся край карты и вернул инструмент вытертым о рукав. Плотник удивлённо поднял брови.

— Вы его хоть когда-нибудь точите?

— Регулярно.

— Не похоже. У вас камень есть?

— Есть.

— Тогда после посадки покажите. На таком лезвии и хлеб не нарежешь.

Шелест хотел обидеться, но посмотрел на нож ещё раз и коротко хмыкнул. Они разговорились о железе, точильных камнях и том, почему в сыром лесу инструмент портится быстрее. Илья удивился: два самых неразговорчивых человека в салоне вдруг нашли тему, о которой могли говорить бесконечно.

Ланской слушал их с видимым удовольствием. Когда Кравцов сказал про заточку, преподаватель осторожно провёл большим пальцем по тупому краю собственного карандаша и спрятал его обратно.

— Вот она, настоящая наука, — сказал он. — Практический опыт. То, что невозможно заменить книгами.

— Можно заменить хорошей инструкцией, — возразил Кравцов. — Только инструкцию ещё надо читать.

— Я не спорю. Но в человеке важнее способность понимать друг друга, чем количество знаний.

Шелест завязал карту и покачал головой.

— Вы попробуйте ночью в лесу по одному пониманию выйти к жилью. Посмотрим, что у вас получится.

— Вот поэтому я и рад, что лечу с вами, — невозмутимо ответил Ланской.

Илья наблюдал за ним с завистью. Сам он после резкого замечания обычно ещё несколько часов придумывал подходящий ответ, которого уже некому было сказать. А Ланской, кажется,

даже не подозревал, что его пытались задеть. Только газету, которую он весь полёт берёг от складок, держал теперь так крепко, что край листа начал рваться под пальцем.

К полудню небо за окнами изменилось. Сначала под самолётом тянулись леса, пересечённые белыми полосами рек и просек. Потом земля исчезла под слоем низкой облачности. В окнах осталось ровное светлое поле, временами разбитое серыми тенями. От этого Илье сделалось неуютно: было невозможно понять, движутся ли они вообще и куда направляются.

Самолёт несколько раз мягко покачнулся. Марфа Тихоновна перестала вязать и убрала спицы в рукав. Анна крепче взялась за чемодан, хотя тот стоял у неё под ногами. Никто не спрашивал о погоде. Все время от времени бросали взгляд на дверь кабины.

— На севере это обычное дело, — произнёс Ланской, но сказал слишком громко, словно хотел услышать собственный голос поверх моторов.

Белов вынул часы, посмотрел на стрелки и снова спрятал их в карман.

— До посадки ещё достаточно, — сказал он.

— Вы знаете, сколько лететь? — спросила Анна.

— Примерно.

— А сколько уже летим?

— Тоже примерно.

Она улыбнулась. Улыбка быстро исчезла, когда пол под ногами дёрнулся. Из грузового отделения донёсся короткий глухой удар. Орлов приподнялся, собираясь проверить почтовый мешок, но ремень удержал его на месте.

— Сидите, — сказал Белов. — Привязано там всё.

— Я видел, как привязано.

— Значит, тем более сидите.

Вера повернулась к Илье. Тот по-прежнему держал платок майора в ладони, хотя давно перестал чувствовать тошноту.

— Сильно укачивает?

— Уже нет.

— Тогда уберите платок. Он вам напоминает, что нужно бояться.

Илья хотел возразить, но понял, что она права. Он сложил платок и протянул Белову. Майор, не взглянув, спрятал его в карман. Илье понравилось, что возвращение не стало отдельным событием.

За перегородкой кабины командир Громов развернул карту. В начале полёта он ещё мог проверять направление по земле, теперь облака закрыли всё. Он запросил по радио уточнение погоды впереди, но ответ пришёл с задержкой и был обрывочным. Климов записал принятые слова карандашом на полях листа. Несколько минут они молча сверяли курс, время и расчёты. Ничего чрезвычайного пока не происходило: северная погода менялась быстрее, чем её успевали докладывать с земли.

— Впереди плотная полоса, — сказал Климов, разглядывая серую массу за стеклом. — Может, выше пройдём?

— Облака растут, — ответил Громов. — Не полезем вслепую.

Он осторожно пошевелил штурвалом, прислушался к работе моторов и снова посмотрел на карту. Здесь не было ни станции, ни посёлка, где можно было бы просто переждать непогоду. Только леса, реки и редкие зимние дороги, часть которых существовала лишь на старых схемах.

— По прямой не пройдём, — сказал он наконец. — Обойдём южнее. Выйдем к реке, по ней уточним место.

— Время потеряем.

— Лучше время, чем машину.

Климов кивнул и начал пересчитывать курс. Громов дождался, пока помощник назовёт поправку, проверил цифры сам и мягко повёл самолёт в сторону. Стрелка компаса медленно сместилась. Крыло на мгновение закрыло светлое окно в облаках.

В салоне этот поворот почувствовали все. Чемодан Анны сдвинулся на ширину ладони. Семён схватился за ремень. Марфа Тихоновна перестала дышать на полуслове.

— Мы разворачиваемся? — спросила она.

Никто не ответил сразу. Потом Белов посмотрел в маленькое окно и произнёс тем самым спокойным голосом, которому Илья с утра хотел научиться:

— Нет. Просто обходим плохую погоду.

Илья кивнул, хотя майор говорил не ему. За стеклом больше не было ни земли, ни неба — только движущаяся белизна. Он подумал, что, когда самолёт приземлится, первым делом напишет матери длинное письмо. Не привычные несколько строк о здоровье и погоде, а настоящее письмо: расскажет, что здесь за люди, как пахнет бензин возле самолёта, как странно выглядит лес сверху и как он, взрослый человек, боялся взлёта.

Он уже представлял себе начало: «Дорогая мама, ты напрасно беспокоилась…»

Самолёт шёл новым курсом. Впереди, за облаками, лежала большая незнакомая земля.

Глава вторая. Белая мгла

После поворота самолёт некоторое время шёл ровно. Это почти разочаровало Илью: он уже приготовился к тому, что перемена курса должна сопровождаться каким-нибудь особенным звуком, толчком или сигналом. Но моторы работали по-прежнему, ремень чуть давил на живот, а за стеклом всё так же двигалась белизна. Он решил, что майор Белов прав и обход плохой погоды ничем не отличается от обхода лужи на дороге: делаешь несколько шагов в сторону, а потом продолжаешь идти куда надо.

Марфа Тихоновна вернулась к вязанию. Она подцепила спицей петлю, выпустила её, поворчала и снова подцепила. Это было самым обыкновенным занятием на свете. Илья следил за движением её рук с таким вниманием, будто от количества провязанных петель зависело благополучное окончание рейса.

— Вот не люблю я, когда в пути молчат, — сказала Марфа Тихоновна. — В поезде хоть проводник ходит. А тут сидим, как на собрании, когда председатель ушёл.

— В поезде есть колёса, — заметил плотник Кравцов. — Потому и спокойнее.

— Разве здесь нет?

— Есть. Только до земли далеко.

Она взглянула на него с видом человека, которому пришлось выслушать особенную глупость. Марфа Тихоновна умела смотреть так, что собеседник начинал чувствовать себя неловко ещё до того, как она открывала рот.

— И спасибо, Пётр Данилович. Успокоили.

Кравцов виновато улыбнулся краем рта. С начала полёта Илья видел у него улыбку впервые.

Белов достал часы. Откинул крышку, поднёс циферблат к свету и убрал обратно. Кажется, он делал это уже в четвёртый раз за последние двадцать минут. Рядом Ланской развернул газету, но не читал. Страница была сложена так, что от неё осталась узкая полоса; профессор, как мысленно называл его Илья, разглаживал эту полосу ладонью, вновь складывал и снова разглаживал.

Анна Рябова наклонилась к небольшому боковому окну. Она пробовала найти в белом пространстве хоть что-нибудь похожее на землю. На стекле изнутри появился отпечаток её дыхания, и она протёрла его рукавицей.

— Не видно ничего, — сказала она.

— Облака, — ответил Шелест, даже не открывая глаз.

— Я понимаю, что облака.

— Тогда чего спрашивать?

— Я не спрашивала.

Геолог открыл один глаз, посмотрел на неё и снова закрыл. Анна обиженно отвернулась. Через минуту Вера Лукина тихо спросила, не хочет ли она пересесть. Анна покачала головой.

— Мне у окна лучше. Хоть можно делать вид, что вижу, куда летим.

Сказав это, она сама усмехнулась. Вера поправила у неё край платка, попавший под ремень, и вернулась к своему месту. Движение было маленьким, почти материнским. Анна, казалось, не заметила его, но перестала теребить ручку чемодана.

Первый сильный толчок пришёл без предупреждения. Самолёт словно наткнулся снизу на невидимое препятствие. Тела одновременно приподнялись и ударились обратно о сиденья. У Марфы Тихоновны с колен соскользнул клубок шерсти. Он покатился по проходу, зацепился за каблук Ланского и остался висеть на нитке.

— Ах ты, господи, — выдохнула она.

— Воздушная яма, — сказал Белов.

Он произнёс знакомые слова так быстро, будто ждал случая воспользоваться ими. Несколько человек повернулись к майору; он едва заметно развёл руками, показывая, что ничего удивительного не произошло.

Кравцов наклонился за клубком. Илья хотел помочь, но ремень не позволял дотянуться. Плотник ухватил нитку и терпеливо потянул её, пока клубок не прикатился к ногам Марфы.

— Вяжите, — сказал он. — Теперь крепче держите.

— Спасибо. Прямо второе рождение мне устроили.

Илья попытался улыбнуться. Улыбка получилась плохо: во рту пересохло, а на языке стоял неприятный металлический вкус. Он снова посмотрел на заклёпки над головой и обнаружил, что одна из них чуть темнее других. Это было удобно — можно было не начинать счёт заново, а находить её глазами после каждого толчка.

За перегородкой кабины Громов проверил показания приборов. Обход оказался длиннее, чем он рассчитывал. Сначала ветер помогал, но теперь самолёт заметно сносило в сторону; времени, прошедшего после последнего уверенного ориентира, становилось всё больше. Климов держал на коленях планшет с картой и почти не отрывал от него глаз.

— Если там река, должна показаться справа, — сказал он.

— Если мы вышли туда, куда думаем, — поправил Громов.

— По времени сходится.

— По времени многое сходится. По земле проверим — тогда поверю.

Громов говорил без раздражения. Ему было тридцать семь; за годы северных рейсов он привык к тому, что расчёты нужны именно тогда, когда на них нельзя полностью положиться. Плохо было не то, что они ушли с прежней линии. Плохо было, что теперь ветер и облака не давали понять, насколько далеко они ушли.

Он попытался связаться с землёй. В наушниках трещало, сквозь треск изредка пробивались отдельные слова. Громов дважды повторил позывной и попросил подтвердить его. Ответ не разобрал даже Климов, сидевший рядом.

— Приём слабый, — сказал тот.

— Слышу.

Командир снова взглянул на облака. По краю лобового стекла начинал тянуться белёсый налёт. Его можно было принять за обычный иней, но Громов знал, как быстро в подобной сырости и холоде меняется поведение машины. Он приказал внимательнее следить за обледенением и не стал подниматься выше, хотя над облаками, возможно, было светлее.

В салоне второй толчок оказался сильнее первого. Самолёт провалился, как лифт, у которого неожиданно оборвали трос. Илья почувствовал пустоту в животе и непроизвольно вцепился в край сиденья. Кто-то вскрикнул. Почти сразу машина снова выровнялась.

— Все целы? — спросила Вера.

Никто не ответил, и она повторила вопрос, уже обращаясь по очереди к людям. Семён Киреев нервно засмеялся. Марфа Тихоновна нашла обе спицы. Кравцов сообщил, что его мешок крепится исправно. Орлов спросил, нельзя ли проверить почту. На этот раз Белов сказал не мягко, а коротко:

— Сидите на месте.

— Я ведь только спросил.

— А я вам ответил.

Ланской откашлялся.

— Не стоит поддаваться всеобщему беспокойству. Волнение само по себе заразительно. Иногда достаточно одного человека, чтобы остальные начали…

Самолёт резко качнуло влево. Преподаватель осёкся и схватился за ремень обеими руками. Кравцов отвернулся к стене, но Илья успел заметить его улыбку. Никто не стал над Ланским смеяться. И именно от этого его смущение было заметнее.

— Вы сказали, заразительно? — спросила Марфа Тихоновна, когда тряска немного стихла.

Ланской осторожно отпустил ремень.

— Я имел в виду панику.

— Так и говорите «паника». От слова «заразительно» мне только хуже.

Семён засмеялся ещё раз, теперь уже по-настоящему. Даже Анна улыбнулась. Ланской поклонился Марфе, признав поражение. Он умел отступить красиво и, кажется, в этот раз был благодарен ей за возможность вернуться к разговору.

Время потеряло привычные отметки. Самолёт мог идти ровно десять минут, и тогда кто-нибудь осторожно начинал разговор; затем случался один короткий удар, после которого люди замолкали уже надолго. Белов снова достал часы, но, заметив взгляд Ильи, убрал их, даже не открыв крышку. Становилось холоднее. Из-под неплотно пригнанной дверцы тянуло воздухом, и Анна надела поверх платка второй шарф. Марфа Тихоновна предложила ей варежки, но Анна отказалась — у неё были отцовские, сшитые из старой шинели.

В какой-то момент Илья перестал различать отдельные звуки самолёта. Прежде моторы гудели ровно, обшивка поскрипывала, что-то иногда постукивало в грузовом отсеке. Теперь всё смешалось в тяжёлый шум. Он пытался услышать в нём перемены, хотя совершенно не знал, какая из перемен могла означать опасность.

— Вчера был у ветеринара, — сказал вдруг Кравцов.

Марфа Тихоновна повернулась к нему.

— Зачем это?

— У нас корова телится. Жена просила узнать, что делать, если опять ночью начнётся. А я к вам, понимаешь, улетел. Теперь она сама разберётся.

— Разберётся, — уверенно сказала Марфа. — Женщины в хозяйстве быстрее мужчин соображают.

— Я и говорю. Только она у меня после болезни. Ей бы лишний раз не вставать.

Кравцов замолчал. Илья впервые услышал от него не короткую шутку и не замечание о каком-нибудь инструменте, а простое беспокойство. Плотник с минуту смотрел на свои руки, потом достал из кармана узенькую полоску дерева и принялся гладить её большим пальцем. На древесине были вырезаны две буквы.

— Это что? — спросил Семён.

— Ничего. Дочке обещал коробку сделать, а замок ещё не придумал. Пускай напоминает.

— У вас дочь маленькая?

— Двадцать четыре. Для меня — маленькая.

Он спрятал деревяшку обратно. Илья подумал, что в мешке с инструментами, вероятно, лежат вещи, которые плотник сумеет починить где угодно. А вот с тем, что осталось дома, ему было не справиться даже при всём своём умении.

— У меня тоже мальчишка дома, — неожиданно сказал Белов. — Двенадцать в этом году будет. Последний раз видел — ещё на санках катался. Пишет теперь, что сам дрова колет. Не знаю, правда ли.

— Проверите, когда вернётесь, — сказал Кравцов.

— Проверю.

Майор помолчал, потом добавил:

— Жена прислала его письмо. Пишет: «Папа, приезжай, у нас уже есть новая пила». Будто мне для приезда пила нужна.

Он засмеялся, но смех получился коротким. Ланской хотел заметить, что дети всегда находят самый простой способ сказать о сложном, однако посмотрел на Белова и передумал. Майор достал из кармана часы и аккуратно закрыл крышку, хотя не открывал её. Илья впервые представил его не командиром и не проверяющим, а человеком, который тоже кого-то

оставил в тёплой комнате, у дверей, с недосказанными словами. От этого Белов стал ближе. И одновременно казалось ещё невероятнее, что сейчас он так же беспомощен перед погодой, как все остальные.

Илья хотел расспросить Белова о сыне, но майор уже перевёл взгляд к двери кабины. О семье он только что говорил охотно. А вот о собственном ранении, из-за которого перестал служить в строевой части, ни разу не произнёс лишнего слова. Илья вспомнил, как майор расстёгивал саквояж на аэродроме: пальцы левой руки слушались не сразу. Тогда это показалось пустяком. Теперь Илья подумал, что человек, которому так важно выглядеть уверенным, может очень не любить чужую жалость.

Новый толчок сорвал у Анны с головы платок. Она вскрикнула, схватила его, и чемодан под ногами накренился. Узел, завязанный Верой ещё в комнате ожидания, выдержал. Анна посмотрела на него и вдруг рассмеялась — громко, почти вызывающе.

— Хорошо хоть чемодан не разлетелся. Всё моё там, а он сейчас бы мне и показал.

— Не смешно, — сказал Шелест.

— Я знаю.

— Тогда чего смеётесь?

Анна хотела ответить резко, но увидела, как геолог с трудом удерживает на коленях карту, и промолчала. При каждом толчке жёсткий край футляра упирался ему под рёбра, а он всё равно не выпускал его из рук. Она впервые подумала, что его угрюмость может происходить не от нелюбви к людям, а от привычки заранее ждать неприятностей.

Илья удивился, что Анна промолчала. Она сидела, вцепившись в край кресла, и всё же не отвела глаз от Шелеста. Он хотел спросить, не больно ли ей после толчка, но двигатель загудел громче, и вопрос остался невысказанным.

Вера достала саквояж и проверила застёжки. Внутри негромко звякнул металл. Белов повернулся к ней:

— Нужно что-нибудь подготовить?

— Пока нет. Только убедиться, что ничего не разобьётся.

— У вас там лекарства?

— И инструменты. И бинты.

— Значит, хорошо, что вы с нами.

Вера не ответила. Она слишком часто слышала подобные слова от людей, которые видели медицинскую сумку и сразу представляли себе спасение. Ей хотелось бы, чтобы на этот раз её вещи никому не понадобились.

Семён Киреев уже давно не смотрел в окно. Он сидел, опустив голову, и незаметно шевелил губами. Илья, находившийся напротив, сначала решил, что тот молится. Потом расслышал названия радиодеталей, которые Семён повторял одну за другой: сопротивление, катушка, конденсатор. Он пытался занять мысли единственным делом, в котором чувствовал себя хоть немного сведущим.

— Семён, — позвала Вера. — Посмотри на меня.

Тот поднял лицо. На лбу выступил пот.

— Ты слишком часто дышишь. Медленно. Вот так.

Она сделала несколько спокойных вдохов, не касаясь его. Семён повторил. Получилось не сразу.

— Ничего со мной, — сказал он, когда смог говорить ровнее.

— И хорошо. Пусть так и будет.

Белов одобрительно кивнул. Илья заметил, что майор охотнее признаёт чужую пользу, когда она не спорит с его распоряжениями. Вера ничего не приказывала группе и всё же сумела сделать то, чего не удалось бы добиться строгим голосом.

В кабине Климов снова попытался определить положение по расчётам. От последнего уверенного ориентира прошло слишком много времени; теперь в их вычислениях могло накопиться расхождение, которое на карте выглядело небольшим, а на земле означало десятки километров. Из-за облаков не виднелись ни реки, ни озёра. Сведения по радио были старые и слишком общие.

Громов посмотрел на часы, затем на указатель топлива. Если бы они знали своё место, запаса ещё могло хватить до Усть-Кряжа. Но топлива на возвращение, ещё один большой обход и долгие поиски аэродрома уже не оставалось. По краям стекла проступала наледь. Стрелка указателя скорости на мгновение застыла там, где при таком режиме полёта ей быть не следовало, затем дрогнула. Громов сравнил показания с остальными приборами и больше не полагался на одну эту стрелку. Он не знал, насколько быстро лёд будет нарастать дальше.

Климов предложил ещё раз передать сообщение. Он снял наушник, поправил провод и повторил позывной, медленно, разделяя слова. Громов следил за ним и вдруг вспомнил первый совместный рейс, когда молодой помощник так же старательно повторял в эфир одно и то же, не понимая, что связь пропала окончательно. Тогда они приземлились на запасном аэродроме и смеялись над собственной настойчивостью. Сейчас смеяться не хотелось. Сквозь треск на мгновение пробилось человеческое бормотание, затем всё оборвалось.

— Повтори место, — сказал Громов.

Климов повторил известный им район и приблизительное направление. Он тщательно выговаривал цифры, словно собеседник на земле мог услышать их с третьей попытки. Ответа не последовало. Громов распорядился записать время передачи на листе. Надежда, что их услышали, существовала, но опираться на неё было нельзя. Ему нужен был участок земли, на который он сумел бы посадить самолёт ещё при дневном свете.

— Дальше вслепую не пойдём, — сказал он.

Климов поднял глаза.

— Возвращаться?

— Куда? Мы уже не знаем точно, где аэродром относительно нас. Пойдём ниже, посмотрим землю. Только без спешки.

— А если там лес?

— Тогда будем искать место. Пока светло, есть из чего выбирать.

Они обсудили, какой участок может оказаться пригодным для посадки. На этой широте среди лесов встречались широкие речные плёсы и открытые болотины; зимой сверху они могли выглядеть одинаково ровными, хотя под снегом скрывали совершенно разную поверхность. Громов предпочитал реку: её направление можно было связать с картой и хотя бы примерно установить местонахождение. Но река тоже не обещала ровного льда.

Самолёт начал снижаться. Илья понял это не по окнам, а по неприятному давлению в ушах. Анна приложила ладонь к щеке. Марфа Тихоновна перестала задавать вопросы и аккуратно убрала вязание в сумку. Кравцов затянул ремень на одно отверстие туже. Его движения были по-прежнему неспешными, но теперь он дважды проверил застёжку, хотя раньше обходился одним разом.

— Что происходит? — спросил Ланской, обращаясь к Белову.

— Снижаемся, — сказал майор.

— Это я чувствую. Почему?

— Откуда мне знать? Если бы летал в кабине, ответил бы.

Он произнёс это резко и тут же поправился:

— Вероятно, ищут просвет. Ничего удивительного.

Ланской кивнул, но теперь впервые за весь рейс не нашёл слов для продолжения разговора. Ему нравилось разбирать причины чужих поступков, однако надёжного объяснения происходящему не было. Он посмотрел на Илью, словно хотел спросить его мнение, и не спросил.

Когда облака поредели, за окнами показалась земля. Не сразу: сперва проступили серые пятна, затем тёмная полоса леса, разбитая узкими просветами. Самолёт прошёл над деревьями так низко, что Илья различил на верхушках снег. На мгновение это обрадовало его. Земля существовала, она была на месте, и от неё до самолёта оставалось уже не так далеко.

— Видно! — сказала Анна.

Семён прижался к окну. Шелест открыл футляр, но через несколько секунд захлопнул его: сколько ни смотри на карту, из случайного кусочка леса нельзя получить название местности. Громов в кабине тоже искал узнаваемую линию — изгиб реки, слияние, открытое озеро. Под самолётом промелькнула просека, потом ещё одна. Но дороги были занесены, и определить направление по ним не удавалось.

Ветер швырнул машину в сторону. На этот раз толчок не был похож на прежние провалы. Крыло резко накренилось, люди прижались к ремням, и Кравцов ударился плечом о стенку. Из-под сиденья вылетел какой-то незакреплённый предмет. Он ударил Орлова по сапогу и исчез в проходе.

— Что это было? — выкрикнула Анна.

— Ничего опасного, — ответил Белов.

Но уверенности в его голосе стало меньше. Он смотрел уже не на пассажиров, а на стенку кабины, словно мог увидеть сквозь неё решение, которое принимают пилоты.

— Это вы откуда знаете? — вдруг спросил Шелест.

Майор повернулся к нему.

— А вы хотите, чтобы я сказал обратное?

— Я хочу, чтобы вы говорили то, что знаете.

Оба замолчали. Это не было ссорой: никто не повысил голоса, никто не стал требовать извинений. Но Илья почувствовал, как в салоне изменилась тишина. Уверенные слова впервые прозвучали недостаточно убедительно.

Марфа Тихоновна неожиданно громко сказала:

— У нас в столовой в прошлом году кот в дымоход провалился. Так мы всей сменой его вытаскивали. Два часа не могли достать.

Все повернулись к ней. Даже Шелест.

— А потом? — спросила Анна.

— А потом он сам вылез, когда мы устали. Весь чёрный. И ещё на нас шипел.

Семён нервно хихикнул. Шелест неожиданно поднял голову.

— Не обжёгся?

— Печь-то не топили. Ничего с ним не стало, кроме чёрной морды.

— Это хорошо, — коротко сказал геолог.

Марфа Тихоновна посмотрела на него с удивлением. Потом сказала уже всем:

— Вот и я о том: рано ещё решать, чем всё кончится.

Анна тихо засмеялась. Шелест снова уставился на карту, будто его этот разговор вовсе не касался. Но Илья заметил, что именно он первым спросил про кота.

За окном, между лесами, вдруг блеснула длинная светлая полоса. Климов заметил её одновременно с командиром.

— Река!

Громов наклонился вперёд. Внизу изгибалось широкое белое русло. На одном повороте оно расширялось, образуя длинный ровный плёс, ограниченный тёмными берегами. Через него тянулись едва различимые следы ветра. Дальше река сужалась и уходила под плотную снежную мглу.

— Видите участок между поворотами? — спросил Громов.

— Вижу. Длинный.

— Лёд неизвестный. И под снегом не разглядишь.

— Но лес там далеко от берега.

Громов ничего не сказал. Он провёл машину вдоль русла, запоминая расстояния. Слева тянулись невысокие деревья, справа был пологий берег. В середине плёса, казалось, не было ни промоин, ни крупных торосов. Но снег мог укрывать и ледяные гребни, и старые навалы у берега. Ни один взгляд с воздуха не позволял проверить всё до конца.

Самолёт снова вошёл в облачную тень, и река пропала. Громов выровнял машину и начал разворот для повторного захода. Он не сказал Климову, что выбирает место для посадки: помощник и так понял. В их коротком молчании было больше согласия, чем в долгом обсуждении.

— Сядем на брюхо, — сказал наконец командир. — Колёса в снегу только перевернут нас. Если плёс не обманет — удержимся.

— Передай ещё одну радиограмму, — добавил Громов. — Садимся на реку, вне аэродрома. Район назови по нашему расчёту и обязательно скажи, что место приблизительное. Время запиши. Если нас хоть кто-нибудь слышит, это лучше, чем ничего.

Климов назвал позывной, повторил сообщение и замолчал, вслушиваясь. Сквозь помехи донеслось несколько звуков, похожих на обрывок чужой речи, но подтверждения не было. Он отметил время в углу карты и посмотрел на приборы, потом ещё раз на белую полосу, которая снова открылась между облаками.

— Пассажиров предупредить?

— Сейчас. Сначала курс на заход. Потом скажешь, чтобы затянули ремни, убрали всё с колен, головы прикрыли. Без объяснений, которые только напугают.

Климов кивнул. Молодой пилот был бледен, но руки его двигались точно. Он пошёл к дверце, придерживаясь за край перегородки, и открыл её. Шум в салоне стал сильнее.

— Товарищи, внимание! — сказал он. — Будем садиться на снег. Площадку выбрали. Всем оставаться на местах, ремни затянуть как можно плотнее. С колен всё убрать, ничего в руках не держать. Перед самым касанием наклоните головы вперёд и прикройте их руками. Делайте, как сказано.

Марфа Тихоновна открыла рот. Вера подняла ладонь, показывая ей, что сейчас лучше молчать. Климов ещё раз оглядел пассажиров и добавил:

— Это посадка. Мы её готовим. Просто выполняйте команды.

Илья вспомнил, как перед вылетом молодой пилот улыбался Марфе Тихоновне. Сейчас Климов оглядел ремни, лица пассажиров, руки, вцепившиеся в подлокотники, но не улыбнулся. Он закрыл дверь прежде, чем начались вопросы.

С минуту никто не произносил ни слова. Потом Ланской осторожно спросил:

— А почему не на аэродром?

— Вы слышали, что сказал лётчик, — ответил Белов. — Приготовьтесь.

— Я слышал, но…

— Тогда приготовьтесь.

Илья не узнал голос майора. Тот говорил холодно, с тем особенным нажимом, который бывает у людей, привыкших к немедленному исполнению приказов. Илье вдруг стало ясно, что и Белов ничего не знает о том, где именно они находятся. Просто ему невыносимо было сидеть и ждать, не распоряжаясь ничем.

Орлов попытался вывернуться из ремня.

— Почтовый мешок. Там пломба, я должен…

— Павел Матвеевич, — сказала Вера, — посмотрите на меня. Вы сейчас нужнее здесь, чем возле мешка.

— Но там бумаги государственные.

— Значит, мы потом их найдём. Сейчас сядьте.

Он сел. Слова Веры не содержали обещания, что с почтой ничего не случится. И, может быть, именно поэтому Орлов ей поверил. Он положил ладони на колени, сжал их до белых костяшек и больше не шевелился.

Кравцов проверил крепление своего мешка, затем наклонился к Семёну.

— Ремень подтяни. У тебя кулак пролезает.

— Сам знаю.

— Тогда чего не тянешь?

Семён дёрнул ремень, но пряжка заела. Плотник протянул руку, нащупал язычок и помог затянуть. Ни слова о храбрости он не сказал. Потом поправил свёрнутую ткань, которую дал солдату ещё на земле, и сунул её между его плечом и железной стенкой.

— Так меньше ударишься, если мотнёт.

— Спасибо, — тихо сказал Семён.

— Потом.

Марфа Тихоновна прижала к груди свою жестяную коробку, но Вера попросила поставить её под сиденье. Повариха сперва возмутилась:

— Там пирожки. Раздавят!

— А если коробка ударит вас в лицо?

Марфа посмотрела на металл и, ни слова не говоря, опустила коробку вниз. Когда она выпрямилась, её губы были плотно сжаты. Она подтянула ремень, сложила руки на животе и стала смотреть перед собой. Илья впервые увидел, как она выглядит, когда не пытается кого-то развеселить.

Анна всё ещё держала чемодан за ручку. Вера наклонилась к ней:

— Отпусти. Он привязан.

— Там документы. И отцовские вещи.

— Отпусти, Анна.

Пальцы девушки медленно разжались. Она убрала ладони на колени и сразу почувствовала себя беспомощной. Потом наклонилась к Марфе Тихоновне и помогла ей заправить выбившийся из-под ремня край пальто. Делать что-то полезное оказалось легче, чем ждать.

Илья вспомнил чужой чемодан, который вёз, документы в нём и две упаковки сухарей. Он подумал о том, что бумага, из-за которой его отправили в эту поездку, сейчас находится на расстоянии вытянутой руки. Стоило бы подвинуть чемодан к себе, проверить верёвку, но он не стал. Подобные заботы больше не казались важными.

Ланской снял очки и убрал их во внутренний карман. Он посмотрел на Семёна, который сидел неестественно прямо, вытянув шею над воротником шинели.

— Я, знаете, тоже боюсь, — негромко сказал преподаватель.

Семён повернулся к нему.

— А я думал, вы нет.

— Я и сам так думал. Вот ведь досада. — Ланской попытался улыбнуться. — Когда волнуюсь, начинаю говорить без остановки. Наверное, вы уже заметили.

Семён чуть слышно выдохнул. Ланской положил руку на подлокотник, и Илья увидел, что пальцы преподавателя дрожат. На этот раз тот не спрятал их. Больше они не разговаривали, но Семён перестал вытягивать шею так, словно должен был доказать кому-то свою выдержку.

Белов осмотрел ряд сидений. Один ремень был застёгнут криво — майор указал на него жестом, и человек поправил застёжку. В салоне воцарилась странная дисциплина. Её установил не чин Белова, а то, что он хотя бы предлагал людям ясные действия. Но когда все оказались готовы, майору тоже пришлось сесть. Он медленно затянул собственный ремень, проверил левой рукой пряжку и положил обе ладони на колени. Дальше командовать было нечем.

Самолёт пошёл на первый низкий проход над рекой. Снег под крылом стал отчётливее, виднелись отдельные тёмные деревья на берегу. Илья вдруг заметил, что тот белый простор,

который ещё минуту назад казался бесконечным, имеет неровности: длинные полосы, выдутые ветром углубления, невысокие белые валы. Он понятия не имел, какие из них опасны. Но само их существование испугало больше, чем пустота за окном.

Громов провёл самолёт вдоль плёса и поднял его для последнего разворота. Он не мог задерживаться здесь надолго: облака опускались, видимость менялась на глазах, а запас топлива уходил. Перед ним был участок, который он выбрал сознательно, после осмотра. Это отличало предстоящую посадку от слепого падения. Но различие не устраняло того, что под снегом он не видел льда.

— На втором заходе садимся, — сказал он.

Климов повторил команду, сверил положение машины и приготовился помогать удерживать направление. Громов попросил его следить за скоростью и не отвлекаться на окна в последнюю секунду. Голос у командира оставался спокойным. Лишь когда он поправлял перчатку, Климов заметил, что пальцы у него побелели от напряжения.

В салоне ремни уже были затянуты. Никто не говорил. Слышно было только дыхание, иногда тяжёлое и быстрое, и непрерывный гул моторов. Илья подумал, что в такой тишине люди должны слышать сердца друг друга, но на самом деле не слышал даже своего. Он видел только лица: Марфа Тихоновна закрыла глаза, Анна прикусила нижнюю губу, Семён смотрел прямо перед собой, опустив подбородок. Вера смотрела на всех по очереди. Ланской сидел неподвижно. Шелест крепко держался за пряжку ремня. Орлов смотрел в пол. Кравцов наклонил голову, проверяя, достанет ли до спинки впереди. Белов, заметив взгляд Ильи, коротко кивнул ему.

Илья подумал о матери. Не о письме, которое обещал написать после посадки, а о её руках: утром она всегда проверяла, достаточно ли крепко он завязал шарф. Когда ему было шесть лет, он сердился и вырывался. В двадцать восемь он уже сам подставлял шею, потому что ей это доставляло удовольствие. Он попытался представить её в кухне, возле окна, но лицо расплылось. Остались только руки, подтыкающие край шарфа под воротник.

Снаружи стало темнее. Самолёт повернул и выровнялся вдоль русла. Громов видел впереди два тёмных берега и между ними широкую снежную полосу. Он снизил скорость, насколько позволяли условия, и удерживал машину против ветра. Русло приближалось. Сначала оно было целым пейзажем, потом превратилось в отдельные белые бугры, каждый из которых приходилось оценивать за долю секунды.

— Сейчас, — тихо сказал Климов.

Громов ничего не ответил.

В салоне Илья почувствовал, как самолёт перестал снижаться. Он даже успел подумать, что всё вышло. На мгновение машина будто повисла совсем близко над землёй, ровная и почти неподвижная. Кто-то вздохнул с облегчением.

Потом снизу пришёл удар.

Не один сильный толчок, а целая череда глухих ударов, слившихся в тяжёлый скрежет. Самолёт заскользил по снегу. Людей бросило вперёд, ремни врезались в тело. Илья почувствовал, как железо под ногами дрожит и гнётся. За окнами мелькнула белая полоса, потом чёрные деревья, потом снова белая. Где-то впереди рвануло так, будто огромный лист металла разорвали руками.

— Голову! — крикнул чей-то голос.

Илья успел закрыться предплечьями. В этот момент самолёт резко повело в сторону. Раздался треск дерева и железа, посыпались мелкие осколки, чья-то тяжёлая вещь ударила его по плечу. Звук был настолько громким, что перестал быть звуком; от него заложило уши. Свет в окнах исчез, и через мгновение вернулся, но уже с другой стороны.

Самолёт врезался во что-то твёрдое. Передняя часть салона ушла вниз, заднюю подбросило. Сиденья сорвались с привычного места, проход словно изогнулся, а воздух наполнился

снегом, летевшим из раскрытой обшивки. Илья не понял, где верх. Он увидел руку в варежке, протянутую через проход, услышал короткий женский крик, затем отдельный, ни на что не похожий хруст.

Его ударило виском о металлический край. В глазах стало темно. Он продолжал чувствовать движение машины, хотя уже не мог сказать, катится она или лежит. Затем всё внезапно остановилось.

Тишина после удара была невозможной. Её нельзя было назвать настоящей тишиной: где-то шипел воздух, что-то мелко звенело, снаружи выл ветер. Но моторы больше не гудели, и от этого привычный мир исчез целиком.

Илья попробовал вдохнуть. Воздух оказался ледяным, с резким запахом бензина и мокрой ткани. Он не сразу вспомнил, что сидит в самолёте. Перед глазами было только серое пятно, из которого медленно проступали крупинки снега.

— Эй! — раздалось совсем рядом. — Кто-нибудь…

Голос оборвался. В другой стороне застонали. Кто-то несколько раз повторил чужое имя — сначала громко, потом почти шёпотом. Из разорванной стены в салон врывался снег, и ветер гонял его по полу, по вещам, по неподвижным ногам.

Илья поднял голову, но увидел только чёрный край оторванной обшивки. Он хотел спросить, все ли живы, и не смог произнести ни слова.

Снаружи белела река. Она была совсем рядом, за проломом в корпусе, и продолжала лежать неподвижно, словно ничего не произошло.

Глава третья. Первые сутки

Сначала Илья различил только звук собственного дыхания. Оно шло с хрипом, будто кто-то сжимал грудь ремнём. Потом услышал ветер и понял, что прежнего гула моторов больше нет. Мелкие снежинки падали ему на колени. Одна пристала к тёмной капле на рукаве и не растаяла.

Он сидел боком. Или самолёт лежал на боку — разобраться не получалось. Кресло перед ним стояло криво, опираясь спинкой на стену, которой раньше не было. В проходе валялась чужая шапка. Илья попытался поднять руку, чтобы стереть кровь с виска, и обнаружил, что пальцы плохо слушаются. Не больно, просто будто они принадлежали другому человеку.

— Костин, — услышал он. — Костин, на меня посмотри.

Вера Лукина склонилась так близко, что он увидел снежные крупинки на её ресницах. Серый платок съехал набок. По щеке проходила узкая красная царапина.

— Слышишь меня?

— Да.

— Как тебя зовут?

Он растерялся от простого вопроса.

— Илья. Вы же знаете.

— Знаю. Хорошо. Головой не крути пока.

Она осторожно коснулась его затылка и убрала руку. Илья заметил, что её собственная левая кисть уже опухает возле запястья. Вера проследила за его взглядом и спрятала руку за край пальто, словно это сейчас не имело значения.

— Ремень можешь отстегнуть?

Он нащупал пряжку, нажал на язычок. Тот не поддался. Илья нажал снова, сильнее, но из-за боли в плече не сумел подвести вторую руку. Ремень держал крепко. Вера достала из саквояжа ножницы, попробовала подлезть к плотной ленте и отложила их: маленькие лезвия почти не брали ткань.

— Стойте, — сказал кто-то сзади.

Белов продирался между сдвинувшимися креслами. Лицо майора было испачкано кровью из разбитого носа, зато голос остался таким же, как в комнате ожидания:

— Не дёргайся, Костин. Сейчас освободим.

Он вытащил из кармана складной нож, перепилил им край ремня и подхватил Илью под плечо. Левой рукой майор помогал неуверенно, сжимая пальцы лишь со второй попытки. Илья встал, но ноги тотчас подкосились. Белов удержал его правой рукой.

— Дыши. Только не садись обратно. Отсюда надо выходить.

В разорванном борту зияла щель от пола до потолка. За ней не было привычной земли — одна белая поверхность, полого уходившая к лесу. Самолёт остановился у берега замёрзшей реки. Одно крыло лежало ниже другого, дальний мотор ушёл в снег. Из-под смятой обшивки тянулась тёмная полоса; ветер разносил резкий запах бензина.

— Никому не курить, — произнёс Шелест из-за пролома. — И спичек не трогать. Здесь горючее течёт.

Он стоял снаружи по колено в снегу. Меховая шапка исчезла, на бровях намерзал иней. Он смотрел не на людей, а на повреждённое крыло, словно пытался понять, есть ли у всей этой покорёженной машины ещё какое-нибудь намерение.

— Все, кто может, выходят, — распорядился Белов. — Не толпиться в проходе. Сначала женщины.

— Сначала те, кого можно вынести, — отрезала Вера. — Остальные сами выберутся.

Майор повернулся к ней. На мгновение Илья решил, что он сейчас потребует исполнения приказа. Но Вера уже опустилась возле Семёна Киреева, сидевшего согнувшись у окна, и Белов только спросил:

— Сколько носилок понадобится?

— Пока не знаю. Дайте мне посмотреть людей.

Семён был в сознании. Он держал на коленях тот самый кусок материи, который Кравцов подложил ему под плечо перед посадкой, и смотрел на него с недоумением. На виске запеклась кровь. Семён попытался подняться, но сел обратно и выдохнул сквозь зубы.

— Голова? — спросила Вера.

— Да ничего. Просто кружится. Я, кажется, ударился.

— Лежи пока. Глаза на меня. Тошнит?

Он не ответил, только быстро облизнул губы. Вера сняла с него шапку и осторожно провела пальцами по волосам. Её лицо осталось спокойным, но она посмотрела на Илью так, что тот понял: помощь нужна немедленно.

— Найди что-нибудь мягкое и сухое. И не давай ему вставать.

Илья хотел сказать, что сам едва держится на ногах. Вместо этого нашёл под перевёрнутым креслом чужой шарф, встряхнул его от снега и передал Вере. Семён следил за ними, словно речь шла не о нём.

Из передней части салона донёсся тяжёлый стон. Марфа Тихоновна лежала между смятыми креслами, осторожно придерживая ладонью левый бок. Жестяная коробка с пирожками застряла под металлической перекладиной. Сама Марфа была непривычно тихой.

— Ну, чего уставились? — проговорила она, когда Вера наклонилась к ней. — Поднимайте, раз всё кончилось.

— Где болит?

— Слева. Может, ребро. Не велика беда.

Вера расстегнула верхнюю пуговицу её пальто. Марфа втянула воздух и сразу побледнела. Под одеждой не было страшной раны, только быстро темневший след от ремня и болезненная припухлость. Но Вера задержала ладонь у левого подреберья и спросила очень тихо:

— Голова не кружится?

— Кружится, — прошептала Марфа. — Только ты ему не говори.

Она показала глазами на Белова, который уже пробирался к раздавленной перегородке кабины.

Анна Рябова сидела на полу, прижав к груди колени. Её коричневый чемодан лежал рядом, связанный Вериной верёвкой. Анна смотрела на Марфу и никак не могла заставить себя встать. Николай Ланской протянул ей руку.

— Пойдёмте, Анна.

— Там Пётр Данилович, — сказала она. — Я его звала. Он не отвечает.

Ланской оглянулся. Кравцов лежал у задней стенки, куда его бросило вместе с оторвавшимся креплением багажа. Тяжёлый мешок с инструментами был зажат между двумя листами обшивки. Плотник смотрел в потолок, но ничего не видел.

Преподаватель медленно отпустил руку Анны. Потом опустился возле Кравцова на колени, хотя осколки металла впивались в брюки. Он коснулся шеи плотника и не почувствовал пульса. Попробовал ещё раз. Илья заметил, как Ланской сжал губы, прежде чем повернуться к девушке.

— Его уже не надо звать, — сказал он.

Анна покачала головой, будто не согласилась. Потом посмотрела на плотника в последний раз и всё-таки взяла протянутую руку.

Снаружи мороз оказался не таким, каким представлял его Илья из тёплой комнаты ожидания. Он не просто обжигал лицо; он сразу забирался за воротник, под мышки, в рукава. Илья

вышел через пролом, осторожно поставил ногу на снег и провалился почти до колена. На реке ветер шёл без преград, поднимая позёмку с ровного белого льда. Неподалёку темнели деревья. До них казалось рукой подать, но, когда Илья сделал несколько шагов, лес словно отодвинулся.

Белов помогал Анне выйти и всё время оглядывался на кабину. Он хотел знать, что с пилотами, хотя ещё ни разу не произнёс их имён. Шелест перехватил его у повреждённого крыла.

— Туда нельзя. Топливо идёт из бака.

— Там люди.

— И мы люди. Искра — и всем конец.

— Вы предлагаете оставить их?

— Предлагаю не лезть под крыло. В кабину можно с другой стороны, если пролезем через салон.

Майор помолчал, затем кивнул. Вместе с Шелестом они вернулись внутрь. Вера осталась с ранеными; Илья услышал, как она попросила Анну собрать всё сухое, что лежит поблизости: одежду, сумки, полотенца. Анна молча сняла свой шарф, свернула его и подложила Марфе под плечи. Из коробки выглядывал помятый пирожок. Анна вдруг накрыла крышку, чтобы его не занесло снегом.

В самом переднем ряду оставался Орлов. Сначала Илья видел только его городскую шапку с надломленным козырьком. Шапка лежала у ног, а сам почтовый служащий был прижат к борту оторвавшейся багажной перегородкой. Он так и не смог добраться до мешка с письмами. Тот остался в грузовом отсеке, стянутый ремнём, целый на вид.

Вера выбралась к Орлову, скользнула пальцами под воротник, посмотрела на него и медленно убрала руку. В этот момент Илья нащупал в своём кармане карандаш, который Орлов сунул ему на аэродроме, после исправленной ошибки в ведомости. Он был обточен с обоих концов. Илья держал его в ладони так крепко, что дерево впилось в кожу.

— Помогите мне с Марфой, — сказала Вера, не оборачиваясь.

Для раненых пришлось сделать проход шире. Ланской и Илья оттащили металлическую спинку, Белов вернулся из кабины и приказал вытащить наружу всё, что мешало. Он говорил быстрее, чем раньше. Когда человек выполнял поручение, майор уже смотрел на следующего, словно боялся остановиться хотя бы на минуту.

Из пилотской кабины он вышел один. В руке держал планшет с разорванным кожаным ремешком. В глаза никому не смотрел.

— Громов? — спросил Илья.

— Погиб.

— А Климов?

Белов помедлил.

— Оба. Их прижало передней частью машины. Там уже нечего делать.

Шелест стоял рядом. Услышав последние слова, он только отвернулся к реке. Анна заплакала беззвучно, одной рукой прикрывая рот, другой прижимая к себе чужой шарф. Ланской хотел положить ей ладонь на плечо, но остановился. Илья подумал, что Климов перед посадкой ещё раз проверял их ремни. Теперь его нет. Эта простая несообразность не укладывалась в голове.

Марфу переносили на широкой дверце, вырванной из перегородки. Вера велела двигаться медленно, держать дверцу ровно и не давить на левый бок раненой. Марфа сперва пыталась командовать, как на кухне:

— Повыше, Пётр Данилович…

Она осеклась. Илья понял, что Марфа ещё не знает о плотнике. Он посмотрел на Веру, но та не ответила на его взгляд. Только поправила свёрнутое полотенце под головой раненой.

— Нас четверо, — сказал Шелест, подхватывая дверцу за угол. — Не уроните.

Они несли её к берегу, ломая наст ногами. Анна шла следом и поправляла сползающее покрывало. При каждом шаге Марфа тяжело втягивала воздух, а потом перестала жаловаться. Вера несколько раз попросила её открыть глаза и отвечать, как она себя чувствует. Марфа отвечала всё тише.

Семён ещё мог идти, опираясь на Белова и Ланского, но после десятка шагов его вырвало. Он сказал, что виноват, и попытался выпрямиться. Вера остановила всех, укрыла ему голову и велела больше не поднимать его на ноги. Илья увидел, как солдат на секунду перестал узнавать лица: посмотрел прямо на майора и спросил, когда они взлетят.

— Уже прилетели, Семён, — ответил Ланской.

Солдат кивнул, будто такое объяснение его вполне устроило.

Марфу уже уложили на свёрнутую одежду под первыми елями. Илья и Шелест вернулись за дверцей, на которой её несли. Поднимать Семёна с мёрзлого снега пришлось осторожно, почти не меняя положения головы. Вера шла рядом с носилками, следя за его дыханием. Анна, прихрамывая, разгребала впереди рыхлый снег ногой.

Под елями от ветра защищал низкий береговой уступ. До разлившегося топлива было далеко. Тут снег лежал глубже, зато воздух не обжигал лицо с такой силой. Ветки свисали почти до земли, и под ними образовалась узкая тёмная полость. Шелест велел разгрести её и настелить на снег всё, что удастся вынести сухим.

У деревьев их оказалось восемь. Шестеро ещё могли работать, двоих нельзя было оставить без присмотра.

— Мы не можем оставить самолёт, — сказал Белов, когда раненых уложили. — Там и вещи, и связь. А вдруг нас ищут?

— Самолёт никуда не уйдёт, — ответил Шелест. — Люди замёрзнут быстрее. Сначала укрытие.

Вера впервые за всё время подняла голос:

— Оба правы, но спорить некогда. Мне нужны одеяла и сухая ткань. И надо убрать раненых с голого снега. Потом выясняйте, кто командует.

Майор посмотрел на неё, будто не сразу понял, что приказы адресованы и ему. Затем снял свой плащ и подал его Анне. Та расстелила ткань под Семёном, ничего не сказав.

За вещами возвращались не все. Вера осталась с ранеными; Ланской набирал под елями сухие сучья, хотя руки у него дрожали так, что он ронял каждую третью ветку. Белов и Шелест пошли к фюзеляжу. Илья догнал их уже на льду. Ему хотелось остаться возле огня, которого пока не было, возле раненых, которым пока ничем не могли помочь, — где угодно, лишь бы не видеть мёртвых. Но он услышал, как Шелест сказал, что нужны инструменты, и вспомнил мешок Кравцова.

Снаружи самолёт выглядел меньше, чем на аэродроме. Передняя часть смялась в низкий металлический ком, левое крыло лежало на снегу, а хвост задрался к небу под странным углом. Из разорванного борта свисал ремень. Ветер шевелил его, и при каждом движении металл тихо звякал. Илья никак не мог привыкнуть к этому звуку: он напоминал о вещах, которые продолжают работать, когда их хозяева уже не могут.

Шелест проверил, куда тянет запах топлива, и показал место, откуда можно добраться до багажного отделения, не наступая на тёмный снег. Кравцовский мешок пришлось вытягивать вдвоём. Он был порван. Через дыру виднелась рукоять топорика, обмотанная промасленной тряпкой. Рядом оказались складная пила, два куска прочного шнура и свёрнутые рабочие рукавицы.

— Его вещи, — произнёс Илья.

— Да, — ответил Шелест. — И теперь они нужны нам.

— Я понимаю.

— Тогда бери пилу.

Илья взял её. На рукояти была маленькая зарубка, сделанная, наверное, чтобы отличать инструмент от чужого. Он представил плотника, который ещё утром придвинул солдату мягкую ткань и сказал, что это не подарок. Илья не знал, у кого можно попросить разрешения пользоваться вещами мёртвого человека.

Белов вернулся из задней части салона со своим саквояжем. Он машинально проверил застёжку, прижал саквояж к боку и только потом заметил, что Илья смотрит на него. Майор поставил его в снег и вернулся за остальным багажом. Илья отвёл глаза. Сам он, окажись его чемодан под рукой, наверняка сделал бы то же самое.

Они вынесли два целых пальто, связку ремней, несколько жестяных банок без этикеток, кусок плотной ткани от внутренней обшивки, небольшой чайник и Марфину кастрюлю. Илья нашёл оба своих свёртка сухарей и обрадовался им сильнее, чем остальным находкам. Один он положил к общим припасам, второй сунул за пазуху. Движение вышло быстрым, почти привычным. Никто не заметил. В глубине багажного отделения обнаружился ящик с чистой ветошью; ткань пахла машинным маслом, но годилась хотя бы на подстилку.

Анна подошла к ним со стороны берега, осторожно переставляя повреждённую ногу. Шелест нахмурился, увидев её на льду.

— Мне нужно посмотреть радиостанцию, — сказала она. — Если передатчик цел, можно попробовать вызвать кого-нибудь.

Они заглянули через сломанную перегородку. Радиоблок сорвало с креплений; корпус был вдавлен в смятую панель, толстый кабель висел оборванным концом. Анна не стала трогать переключатели — вокруг пахло бензином. Она осмотрела провода, потом отступила.

— Не работает. Даже если бы был ток, отсюда ничего не передать.

Белов ещё раз посмотрел в разбитую кабину, будто мог увидеть другой ответ. Затем поднял с пола планшет с картой.

На карте в углу карандашом были записаны время и несколько сокращённых слов. Анна, увидев лист, осторожно взяла его в руки.

— Это последняя передача? — спросила она.

— Похоже, — сказал Белов. — Экипаж успел сообщить, куда садится. Значит, место знают.

Анна провела пальцем по строчке, не касаясь мокрой бумаги.

— Здесь написано «предположительно». Они не знали точного места.

— Зато в эфир передали.

— Передать — не значит получить ответ. Здесь нет отметки о подтверждении. Я на связи работала, Алексей Михайлович. Никто не может знать, дошло ли сообщение.

Белов убрал карту из её рук чуть быстрее, чем было нужно.

— И всё-таки рейс ждут. Когда не прилетим, начнут искать.

— Да, — согласилась Анна. — Начнут.

Она не сказала, когда. Белов тоже не стал уточнять. Илья заметил, что Анна впервые за всё время говорила не как робкая молодая девушка, а как человек, которому не приходится угадывать ответ.

К лесу они шли тяжело, нагруженные одеждой и железом. На половине пути Белов велел Илье передать часть груза Шелесту, но тот отказался: у геолога и без того были заняты руки. Тогда майор взял у Ильи кастрюлю и несколько банок. Его левая рука вскоре устала, и он переложил всё в правую, не комментируя.

Огонь долго не давался. Под нижними ветками ели сухих сучьев было мало. Шелест показал Илье, как добраться до смолистой щепы в сердцевине обломанного ствола. Ланской принёс бересту, снятую с упавшей берёзы, и отдал последний сухой листок из газеты, которую берёг весь полёт. Спички нашлись у Белова. Первые две погасли от порыва ветра. На третьей

береста занялась, тонкая синеватая полоска огня добралась до щепы, и все вдруг нагнулись ближе, словно услышали знакомый голос.

— Не подбрасывайте сразу толстые ветки, — сказал Шелест. — Задушите.

Ланской послушно отложил охапку. Белов встал так, чтобы закрывать огонь спиной от ветра. Оба молчали, и на этот раз ни одному не было нужно доказывать другому свою правоту.

Вера велела сперва уложить раненых не ближе к огню, а на толстый настил из еловых веток, поверх которого расстелили пальто и обшивочную ткань. Илья хотел возразить, что возле пламени теплее. Потом приложил ладонь к снегу под покрывалом и понял, сколько холода поднимается снизу. Они ещё принесли веток, подложили под края, заткнули щели между настилом и низким береговым уступом. Каждый раз, когда Илья отходил от костра, пальцы начинали неметь, хотя он и не снимал рукавиц.

Вера коротко осмотрела всех, кто мог сидеть. У Анны распухла лодыжка, но она наступала на ногу. Ланской рассёк ладонь, когда тянул перегородку; кровь уже не шла, рану перевязали полоской ткани. На голове Ильи под шапкой запеклась тёмная корка. Вера обработала ссадину и сказала, что за ним тоже надо наблюдать: после сильного удара плохое самочувствие не всегда появляется сразу. Белову пришлось дать ей посмотреть левую кисть. Она распухла вокруг старого повреждения, и майор сердито убрал руку, едва Вера спросила, не усилилась ли боль.

— Пока терпимо.

— Я не спрашивала, терпите ли вы. Я спрашивала, болит ли сильнее.

Белов сжал губы.

— Сильнее.

— Вот и договорились.

Он впервые за день не нашёлся с ответом.

Когда Вера вернулась к Марфе, та лежала с закрытыми глазами. Кожа вокруг губ стала сероватой, на лбу выступал холодный пот. Рана снаружи выглядела не страшнее большого синяка, и от этого Илье особенно трудно было поверить, что женщине может угрожать что-то серьёзное.

— Пить дайте, — попросила Марфа.

Вера смочила ей губы водой из фляжки. Марфа попробовала приподняться, но сразу откинулась обратно. Вера осторожно остановила её и попросила лежать спокойно. Потом прикрыла раненую вторым пальто и дольше обычного держала пальцы у её запястья.

— Что с ней? — спросил Белов, отведя Веру в сторону.

— Сильный удар в живот. Возможно, кровотечение внутри. Здесь я не могу ни увидеть его как следует, ни остановить.

— У вас же лекарства.

— Лекарства не заменят операцию.

Слова прозвучали негромко. Белов посмотрел на саквояж, будто хотел убедиться, что в нём действительно нет нужного инструмента. Вера не стала объяснять, чего не бывает в дорожной сумке фельдшера. Она только попросила майора растопить снег и принести тёплую воду — для рук и обработки ран.

С Семёном было по-другому. Он время от времени начинал говорить совершенно ясно, даже спрашивал, что случилось с приёмником в кабине. Потом забывал вопрос и смотрел мимо людей. Дважды его вырвало. Вера старалась не оставлять его одного и всё время проверяла, отвечает ли он на обращённые к нему слова.

— Пётр Данилович где? — спросил Семён, когда Илья сел возле его ног.

Илья почувствовал, как лицо у него похолодело сильнее, чем от ветра.

— Кравцов?

— Он мне тряпку дал. Надо вернуть. Сказал, не подарок.

Илья мог ответить, что плотник скоро подойдёт. Это была бы простая ложь, которой, возможно, удалось бы успокоить солдата. Но он вспомнил Ланского, ощупывавшего шею Кравцова, и заставил себя произнести:

— Он погиб, Семён.

Солдат долго смотрел на него. Потом перевёл взгляд на свёрнутую ткань у своего плеча.

— А я взял, — сказал он.

— Он сам дал.

— Знаю.

На этом разговор кончился. Илья ещё некоторое время сидел рядом, чувствуя, как ему хочется вернуть последние слова и сказать что-нибудь другое. Он не был уверен, что правду всегда нужно говорить именно в ту минуту, когда её спрашивают.

К вечеру у костра появилась кастрюля со снегом, две груды дров — сырых и тех, что могли гореть, — и связка найденных продуктов. В одной банке оказалась тушёнка, в другой рыба, третью не открыли. Из коробки Марфы вынули шесть целых пирожков и два раздавленных. Илья разломил один сухарь, чтобы отдать Анне, и вдруг подумал, сколько ещё дней они смогут есть эти скудные припасы. Мысль была такой бесстыдной рядом с умирающими, что он спрятал сухарь обратно в ладонь.

— Ешь, — сказала Анна, заметив это. — Ты с утра почти ничего не ел.

— И ты тоже.

Они разделили сухарь пополам. Анна ела маленькими кусочками, запивая тёплой водой, и всё время поглядывала на Марфу. Та лежала тихо. Лишь когда Вера попросила её не закрывать надолго глаза, слабо отозвалась:

— Ты меня всё утро учишь, как жить. Теперь хоть поспи сама.

Вера улыбнулась ей, но, отойдя от настила, отвернулась к лесу и долго стояла неподвижно. Илья впервые увидел, что фельдшер не может приказать собственным рукам сделать то, на что они не способны.

Когда посерело, Белов предложил развести ещё один огонь на открытом месте — поближе к реке, чтобы его заметили с воздуха.

— Если нас ищут, увидят дым. Надо дать знак.

— В темноте никто здесь не садится и едва ли летает в такую погоду, — возразил Шелест. — А для второго костра нам людей не хватит. Этот бы не погас.

— Значит, оставим дежурного на берегу.

— Кого? — спросил геолог. — Вы сами туда пойдёте? Или Ланского отправите с его порезанной рукой?

Майор хотел ответить резко, но Вера, сидевшая у Марфы, подняла голову. На её лице не было ни просьбы, ни угрозы. Она просто ждала, какое решение примут люди, пока ещё способные двигаться.

— Ладно, — сказал Белов. — До утра остаёмся здесь. Потом сделаем знак.

— Сделаем, — согласился Шелест. — И дров припасём на весь день.

Это был первый приказ майора, который он отменил сам. Илья заметил, как долго тот после этого вертел в пальцах карманные часы, не открывая крышки. Никакой трагедии не произошло, однако вокруг Белова словно стало чуть больше пустого места.

Сумерки пришли быстро. Над лесом ещё оставалась полоса светлого неба, а под елями уже нельзя было разглядеть лиц. Шелест развернул у огня кусок обшивочной ткани на двух ветках, устроив низкую заслонку от ветра. Ланской, сидя на корточках, тихо читал вслух строки из попавшейся ему газеты, но остановился, обнаружив, что рассказывает о давно прошедшем собрании, словно оно имеет какое-то значение. Тогда он свернул бумагу и подложил её под промокшие рукавицы Анны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.